

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

К. Н. Тарновский

Советские историки несколько раз делали попытки ответить на вопрос, почему восточнославянские племена миновали рабовладельческую формацию и, достигнув стадии разложения первобытно-общинного строя, пошли по пути развития феодального способа производства. В основном наметились две точки зрения. Одни считают, что славяне не знали рабовладельческого способа производства благодаря столкновению с Византией, после которого, как говорит А. В. Мишулин, социально-экономическое развитие пошло «по линии исторического синтеза: древние славяне, благодаря империи, миновали рабовладельческий строй в своем развитии, ибо в империи он уже становился пройденным этапом, а население империи, благодаря славянам, их общинному строю, вступило на путь феодального развития более ускоренным темпом»¹. Если бы этого столкновения не было, то славяне с неизбежностью должны были бы пройти через стадию развития рабовладельческого общества, ибо «старые рамки первобытно-общинного строя,— продолжает А. В. Мишулин, имея в виду состояние славянского общества накануне столкновения с Византией,— были перейдены, и теперь приобретение богатств, жажда накопления путем открытого грабежа и порабощения населения в тех исторических условиях должны были бы толкать общество к новой, рабовладельческой фазе развития»².

Если в отношении исторических судеб древних славян, занявших в ходе столкновения с Византией часть ее территории, и славянских племен, живших в непосредственной близости с Византией, такое утверждение можно признать правильным, то применение его к основной массе славян, живших вдалеке от границ Восточно-Римской империи, может встретить справедливые возражения.

Другая группа исследователей, отвечая на поставленный выше вопрос, исходит не из учета внешних влияний, а из развития самого славянского общества и главную причину видит в том, что к моменту формирования классового общества у древних славян налицо была сильная соседская община. «Где патриархальный род успел вполне переродиться в сельскую общину,— писал еще в 1934 г. проф. В. И. Равдоникас,— там создаются особо благоприятные предпосылки для возникновения феодализма — как путем захвата общинной земли выделившимися из среды самой же общины, но оторвавшимися от нее богатыми, военизированными и потому сильными людьми, превращающимися в феодалов, так и путем подчинения общины и обложение ее данью, превращающейся в ренту-налог, в результате завоевания»³.

Итак, соседская община — вот что позволило восточным славянам, миновав рабовладельческий способ производства, перейти к развитию феодальных производственных отношений. (Здесь мы не касаемся вопроса о путях образования феодальной собственности и феодальной ренты, которые намечает В. И. Равдоникас.)

Приведенными двумя точками зрения и исчерпываются попытки решения про-

¹ А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. «Вестник древней истории». 1939, № 1 (6), стр. 306.

² Там же.

³ В. И. Равдоникас. Маркс — Энгельс и основные проблемы доклассового общества. «Известия» Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). Вып. 81. М.-Л. 1934, стр. 189.

блемы, так как в работах, вышедших в последнее время, мы встречаем, по сути дела, лишь несколько иные формулировки тех же положений⁴.

Можно ли удовлетвориться этими попытками решения интересующего нас вопроса?

Известно, что Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали значение германского завоевания для формирования феодального способа производства на территории Западно-Римской империи; они действительно видели в варварстве германских завоевателей, в их родовом строе то «таинственное волшебное средство, при помощи которого германцы вдохнули умиравшей Европе новую жизненную силу»; наконец, они всячески подчеркивали значение сельской общины для исторических судеб непосредственных производителей средневековья, которая дала «угнетенному классу, крестьянам, даже в условиях жесточайшего средневекового крепостного права, локальную сплоченность и средство к сопротивлению, каких в готовом виде не нашли ни древние рабы, ни современные пролетарии...»⁵.

Значит ли это, что в самом факте завоевания, в наличии соседской общины у древних германцев Маркс и Энгельс видели главные причины установления и последующего развития феодального способа производства? Нет, не значит. Основоположники марксизма неоднократно подчеркивали, что «определенный способ производства или определенная промышленная ступень всегда связаны с определенным способом сотрудничества, с определенной общественной ступенью (и самый этот способ сотрудничества есть некая «производительная сила»), что совокупность доступных людям производительных сил обуславливает общественное состояние и, следовательно, что «историю человечества» всегда необходимо изучать и обрабатывать в связи с историей промышленности и обмена»⁶.

Исходя из этих общих положений, Маркс и Энгельс рассматривали и возникновение феодального способа производства после завоевания германцами Римской империи. «Нет ничего обычного представления, — писали они, — будто в истории до сих пор все дело было только в захвате. Варвары захватили Римскую империю, — и фактом этого захвата объясняют переход от античного мира к феодализму. Но при варварском захвате все дело в том, развил ли завоеванный народ промышленные производительные силы... или же его производительные силы основываются главным образом лишь на его объединении и на общественном коллективе». Поэтому «принимая оседающими завоевателями форма общественности должна соответствовать ступени развития производительных сил, которую они застают в наличии, а если этого соответствия первоначально нет, то их форма общественности должна измениться сообразно производительным силам... Феодализм вовсе не был перенесен в готовом виде из Германии; его происхождение коренится в военной организации варварских войск во время самого завоевания, которая лишь после завоевания, благодаря воздействию найденных в завоеванных странах производительных сил, развилась в настоящий феодализм»⁷.

Итак, без определенного уровня развития производительных сил, даже при наличии институтов родового строя, в частности соседской общины, у завоевавших Рим германских племен феодализм не мог бы возникнуть и развиваться.

Эту же мысль подчеркивает и Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Охарактеризовав четырехсотлетний период развития германского общества, протекший со времени завоевания Римской империи, период, за время которого окончательно окреп и упрочился феодальный способ производства, Энгельс говорит: «масса населения спустя четыреста лет, повидимому, вернулась к своему исходному положению». «Но это лишь доказывало, — продолжает он дальше, — во-первых, что общественное расслоение и распределение собственности в Римской империи периода упадка вполне соответствовали тогдашнему уровню производства

⁴ См. В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Изд. ЛГУ. Л. 1945, стр. 170—171; Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. 1949, стр. 107, 109.

⁵ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат. 1950, стр. 161, 162.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 20.

⁷ Там же, стр. 63, 64; см. также К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат. 1951, стр. 209—210; Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат. 1950, стр. 171—172.

в земледелии и промышленности, следовательно, были неизбежны; во-вторых, что этот уровень производства в течение последующих четырехсот лет существенно не понизился и не повысился, а потому с такой же необходимостью вновь породил такое же распределение собственности и те же самые классы населения. Город утратил в последние столетия существования Римской империи свое прежнее господство над деревней и не вернул его себе в первые столетия владычества германцев. Это предполагает низкую ступень развития как земледелия, так и промышленности. Такое общее положение с необходимостью порождает крупных землевладельцев, обладающих властью, и зависимых мелких крестьян»⁸.

Так, исходя из закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, решали Маркс и Энгельс проблему происхождения феодализма в Западной Европе. Так же нужно поступить и при решении вопроса о происхождении феодального способа производства у восточных славян. Специфика в данном случае заключается в том, что если германцы в результате завоевания Римской империи получили в наследство от нее соответствующие производительные силы, потребовавшие определенных (именно феодальных) производственных отношений, то славяне должны были сами развить свои производительные силы настолько, чтобы появилась возможность перехода к феодальному способу производства без завоевания государств, изживавших рабовладельческий способ производства. Заметим, что указание Энгельса о том, что ко времени упадка Римской империи там уже имелись производительные силы, требовавшие феодального способа производства, дает нам возможность определить примерный уровень развития производительных сил, необходимый для развития феодальных производственных отношений.

Следовательно, изучение вопроса о предпосылках возникновения феодализма в древней Руси нужно начать с характеристики производительных сил восточнославянских племен накануне создания древнерусского государства.

Поскольку генезис классового общества у восточных славян происходил на основе земельных отношений, рассмотрение вопроса о производительных силах древнерусского общества необходимо начать с изучения эволюции сельскохозяйственных орудий.

Прежде всего нужно иметь в виду, что единство славянских племен, которое так отчетливо вырисовывается в X—XIII вв., явилось результатом длительного развития. Чем дальше будем мы отходить вглубь от этой эпохи, тем большее различие обнаружим в исторических судьбах отдельных славянских областей⁹. Это различие прослеживается, в частности, и при изучении истории земледелия и сельскохозяйственных орудий. Поэтому необходимо выделить две большие области, значительно отличающиеся друг от друга по видам и развитию сельскохозяйственных орудий: сравнительно небольшую южную, лесостепную, и обширную северную, лесную.

Но сначала отметим то общее, что связывает в данном случае и лесостепной юг и лесной север: и в той и в другой области материалом для изготовления сельскохозяйственных орудий являлось железо. Произошло это по двум причинам. Во-первых, разрабатывавшиеся в древности месторождения меди находились за пределами территории расселения древних славян¹⁰. Поэтому в эпоху бронзы археологические культуры лесной полосы были, по сути дела, культурами неолитического типа. В более благоприятных условиях оказались племена, населявшие лесостепное пограничье: благодаря обмену со степными кочевыми племенами они имели бронзу и в совершенстве овладели техникой ее обработки. Отсюда и начинается различие в исторических судьбах отдельных славянских областей. Во-вторых, бронзовые орудия были совершенно не пригодны для развития земледелия в лесных областях территории восточнославянских племен, где обработка почвы и при наличии более твердых каменных орудий являлась исключительно трудным делом. Только при господстве нового

⁸ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 160.

⁹ А. В. Арциховский. Культурное единство славян в средние века. «Советская этнография». 1946, № 1; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. АН СССР. 1948, стр. 35.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 36, 37. Литературу вопроса см. там же, стр. 36, примечание 2.

металла — железа — могли быть устранены различия в развитии славянских племен лесостепной и лесной полос. Что же касается запасов доступной для добывания и удобной для обработки железной руды, то на территории славянских племен ее было больше чем достаточно в виде озерных, болотных и дерновых железных руд¹¹. Как показывают данные археологии, к началу первого тысячелетия н. э., когда появляются первые письменные известия о славянах, последние уже научились добывать железо из этих руд и все шире использовали его в своем обиходе.

Перейдем теперь к характеристике эволюции земледельческих орудий в лесостепной и лесной областях славянской территории. Начнем с юга.

Первая археологическая культура, которая уже давно связывается со славянами лесостепной области, а в последнее время некоторыми исследователями относится к антам¹², имеет ярко выраженный земледельческий характер. Железные наральники, известные на юге еще в последние века до н. э., получают широкое распространение в эпоху культуры полей погребений. Исследователи полей погребений считают эти наральники «частью орудия с узким рабочим концом, расположенным наклонно по направлению к линии движения». Это — орудие для разрыхления почвы, при помощи его нельзя было подрезать корни сорных трав и переворачивать пласты земли, им еще трудно было поднимать степную целину¹³. Поэтому переложная система земледелия в то время еще не могла полностью отойти в прошлое. Однако распространение даже такого орудия, по своему виду, вероятно, напоминавшего рало с железным наконечником, в соединении с плодородием почвы лесостепной области дало возможность получать прибавочный продукт. Установлено, что основная русская мера сыпучих тел — четверик — в точности соответствует римскому амфореусу (квадранталу)¹⁴. Это, конечно, не случайное совпадение. Единственно возможное объяснение этого заключается в том, что в свое время славяне вели оживленную торговлю с Римской империей, причем главным предметом торговли был хлеб (зерно или мука). Но славяне могли вести такую торговлю с Римом лишь в пределах I—IV вв. (раньше этого срока на северных берегах Черного моря не было римлян, а в IV в. связи с Римом прекратились в результате нашествия гуннов), то есть именно в то время, когда существовала культура полей погребений. Следовательно, уже в первые века н. э. земледелие у славянских племен южной области достигло такого уровня, что появилась возможность вывозить продукты земледелия, следовательно, появился прибавочный продукт и вместе с ним возможность эксплуатации и возникновения классов.

Дальнейшая эволюция земледельческих орудий заключалась в создании наральников более совершенного типа — «с широким рабочим концом, надетым на горизонтально скользящий ползун; такое орудие подрезало слой земли и переворачивало почву при помощи отвальной доски»¹⁵. Иными словами, появляется плуг довольно совершенного вида. Он известен уже в VII в., а в VIII—IX вв. получает довольно широкое распространение. Для обработки земли таким плугом одной лошади уже было недостаточно; требовалось от одной до трех пар рабочего скота¹⁶. Это предполагало наличие достаточно состоятельных хозяев. Вот почему наряду с плугом продолжало существовать и рало, иногда с железным наконечником, иногда и сплошь деревянное. Для того, чтобы пахать при помощи этого рала, достаточно было одной лошади. Отсюда следует, что классовое образование, которое должно было иметь место

¹¹ См. Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 39, рис. 1: карта распространения железных руд (болотных, озерных и дерновых) в Восточной Европе. Она помещена также в «Истории культуры древней Руси», т. I, изд-во АН СССР. М.-Л. 1948; стр. 80, рис. 41. В этих же работах имеется подробное описание способов добычи и обработки железной руды.

¹² Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян. «Исторический журнал». 1943, № 11—12, стр. 75—76; его же. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина. «Вопросы истории». 1952, № 9, стр. 54—55; В. Довженок и М. Брайчевский. О времени сложения феодализма в древней Руси. «Вопросы истории». 1950, № 8, стр. 69.

¹³ В. Довженок и М. Брайчевский. Указ. соч., стр. 69.

¹⁴ См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 43.

¹⁵ В. Довженок и М. Брайчевский. Указ. соч., стр. 69.

¹⁶ «История культуры древней Руси». Т. I, стр. 68.

еще в эпоху культуры полей погребений, продолжалось также в VIII—IX вв., что можно проследить и по эволюции сельскохозяйственных орудий.

Перейдем к рассмотрению эволюции сельскохозяйственных орудий в северной (лесной) области славянской территории. Примерно до V в. н. э. весь этот огромный район характеризуется культурой городищ Дьякова типа. Обычными находками на поселениях этого времени являются кости животных, из которых до 80% принадлежит различным породам домашних животных. Следовательно, скотоводство имело в северной области славянской территории большее значение, чем охота. Но попадаются среди находок и железные серпы, ручные зернотерки, найдена костяная мотыга; таким образом, можно говорить и о наличии здесь примитивного земледелия¹⁷. Население жило в долинах рек, в небольших укрепленных поселках, группируясь, очевидно, по признаку принадлежности к тому или иному роду¹⁸. Итоги обследования относящихся к тому времени рязанских могильников говорят об очень незначительной имущественной дифференциации, хотя уже встречаются бедные погребения¹⁹.

Со второй половины I тысячелетия в лесной области славянской территории начинается значительный рост земледелия. Разумеется, здесь развитие шло иным путем, чем на юге, в лесостепной полосе. Если на юге эволюция сельскохозяйственных орудий выражалась прежде всего в изменении характера рабочей части пашенных орудий (рало — плуг), то на севере, где главным препятствием развитию земледелия был лес, основным орудием древнеславянских земледельцев долгое время оставался железный топор. В V—VIII вв. он сохраняет тип втульчатого топора — кельта, который постепенно совершенствуется как в отношении качества отделки, так и по своим размерам и ширине рабочей части; в VIII—IX вв. появляется проушной топор. Значение этого орудия для славянских земледельцев лесной полосы ярко подчеркивается тем, что в их погребениях в курганах IX—XII вв. чаще всего встречаются топоры²⁰.

Топор, а также упомянутые выше железные серпы, мотыги (к ним еще нужно добавить большие ножи-косари) — все эти инструменты свидетельствуют о том, что в лесной области господствующей системой ведения сельского хозяйства в течение долгого времени являлось так называемое подсечное земледелие²¹.

Существование Рязанских могильников, о которых говорилось выше, закапчивается к VII веку. По сравнению с ними Муромские могильники, обследованные П. П. Ефименко, имеют очень важную особенность. «Если могильники I—VI вв. в западном Поволжье вообще неизвестны вне узких пределов долин Оки, Мокши и Суры, — отмечает П. П. Ефименко, — здесь они, напротив, обнаруживают определенное стремление к отходу от рек». Население прочно овладевает возвышенной местностью в междуречье Оки и Клязьмы, все дальше и дальше удаляясь от основных водных артерий края. «Отлив населения от Оки в конце VI и VII веков вряд ли может быть понят вне возрастающей роли земледелия», — заключает П. П. Ефименко. Именно оно «должно было побудить жителей приокских поселков передвинуться к северу на удобные сухие места Окско-Клязьминского водораздела, с их легкими, супесчаными почвами»²².

¹⁷ А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. «Проблемы истории докапиталистических обществ». 1934, № 11—12, стр. 36—38.

¹⁸ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. «Материалы и исследования по археологии СССР». 1941, № 5, стр. 41.

¹⁹ П. П. Ефименко. К истории западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам. «Советская археология». 1937, № 2, стр. 51.

²⁰ См. А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях, стр. 44; П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 42, 46 и др.

²¹ Подробнее о подсечном земледелии см. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. АН СССР. М. 1953, стр. 266—269; его же. Подсечное земледелие в Восточной Европе. «Известия» ГАИМК. Т. XIV. Вып. 1. 1932; «История культуры дрезней Руси». Т. I, стр. 51—54.

²² П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 53—54. Должен оговорить, что Рязанские и Муромские могильники П. П. Ефименко считает принадлежавшими древнему мордовскому населению, а не славянам. Знал об этом и А. В. Арциховский, когда писал свою статью о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях, и, тем б. «Вопросы истории» № 4.

В это же время (VII в.) начинает развиваться и пашенное земледелие. В. И. Равдоникас относит к VII—VIII вв. хорошо сохранившийся железный сошник, найденный им в Ладоге в 1947 году²³. По сообщению А. В. Арциховского, такие сошники имеются и в Новгороде в слоях X в. (не говоря уже о более позднем времени). В XI в. железные сошники были уже широко распространены и являются обычной находкой при обследовании славянских памятников XI—XII веков. Но в отличие от плуга, встречающегося на южной славянской территории, эти сошники принадлежат сохе, которая и стала основным пашенным орудием лесной области славянской территории. Для обработки освобождавшейся от леса пашни с ее твердой, иногда каменистой почвой, прорезанной корнями деревьев, соха обладала серьезными преимуществами по сравнению с плугом.

Итак, несмотря на значительные отличия в ходе эволюции земледельческих орудий южной, лесостепной, и северной, лесной, областей славянской территории мы должны констатировать к IX—X вв. наличие пашенного земледелия на всей обширной славянской территории (включая и северные части). Широкое распространение железа позволило к этому времени северным восточнославянским племенам, несмотря на разницу в природных условиях севера и юга, догнать своих южных соседей.

Поэтому, переходя к другому вопросу, связанному с характеристикой производительных сил древнерусского общества, к развитию ремесла, мы ограничимся только рассмотрением истории выделения и развития железных промыслов, железодельного производства, рост которого был обусловлен развитием земледелия и, в свою очередь, определял дальнейший прогресс земледельческой техники. Поскольку сейчас имеется такая обобщающая работа по истории развития древнерусского ремесла, как труд Б. А. Рыбакова, а также недавно вышедшее исследование Б. А. Колчина, целиком посвященное железодельному производству древней Руси²⁴, мы, не касаясь вопросов техники обработки железа, попытаемся показать лишь процесс отделения железодельного ремесла от земледелия. В данном случае мы уже не будем делить славянскую территорию на лесную и лесостепную области, а дадим суммарную характеристику.

Обследованное П. Н. Третьяковым городище Березняки (Верхняя Волга, устье р. Сонохты), относящееся к IV—V вв., дает, в частности, материал и для выяснения процесса отделения железодельного ремесла от земледелия. На территории городища обнаружено свыше 50 криц и два помещения, где производилась выделка железных изделий. Для небольшого родового поселка, каким является городище Березняки, такие масштабы железодельного производства представляются весьма значительными и, по заключению П. Н. Третьякова, рассчитаны «не только на удовлетворение внутренних потребностей, но и в какой-то мере на обмен»²⁵. Конечно, здесь еще вряд ли можно видеть вполне отделившееся от земледелия ремесло, но начало этого процесса — работа на заказ — уже несомненно.

Такого же типа городища с железодельным производством, явно перераставшим потребности общины, встречаются и в других местах. Таково, например, городище VIII—X вв. на р. Воронеже (в нескольких километрах выше гор. Воронежа). Масштабы обработки железа здесь были значительней, чем в Березняках. На территории городища обнаружены остатки нескольких небольших горнов для выплавки железа сыродутным способом, железные крицы, большие скопления шлака. Железо выплавлялось здесь из местной руды, выходы которой имеются вблизи городища²⁶.

Наиболее яркий пример поселения, жители которого занимались только железодельным производством, представляет известное городище Райки, или Райковецкое городище, около Бердячева, раскопанное в 1930—1932 годах. Это уже маленький город. Здесь обнаружен сыродутный горн для выплавки железа с круглыми крицами возле

не менее, он пользовался данными П. П. Ефименко. Считаю, что это безусловно верно: ведь пользуемся же мы данными этнографии, относящимися к другому народу, к другой территории и к другому времени.

²³ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 43, 61; «История культуры древней Руси». Т. I, стр. 56.

²⁴ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период). «Материалы и исследования по археологии СССР». М. 1953, № 32

²⁵ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 64.

²⁶ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 273.

него. В расположенной неподалеку кузнице найдены кузнечный горн, молоты, наковальня и много изделий: оружие, плотничьи инструменты, предметы домашнего обихода, наконец, целые партии земледельческих орудий, в том числе лемеха, склепанные из полос железа, серпы, косы, железные оковки для деревянных лопат²⁷. Несомненно, что железоделательное производство в Райках было рассчитано на довольно широкий рынок. Все эти данные относятся к XIII в., когда городище было дотла сожжено татарами, но, конечно, оно существовало и раньше. Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить.

К рассмотрению вопроса о постепенном отделении ремесла от земледелия можно подойти и с другой стороны: раз существовали поселения с железоделательным производством, превышавшим местные потребности, то должны были существовать и поселения, совершенно не знавшие железоделательного производства. Археология знает немало таких примеров, и здесь мы ограничимся упоминанием только об одном. Массовые обследования городищ Белоруссии, производившиеся с целью выяснения соотношения общего числа поселков и мест выработки железа, показали, что, несмотря на широкое распространение сырья, выплавка железа производилась далеко не в каждом городище. Имелись, следовательно, отдельные семьи, которые специально занимались железоделательным ремеслом и обслуживали жителей других городищ²⁸. Все это свидетельствует о процессе общественного разделения труда, о постепенном отделении ремесла от земледелия.

С постепенным разделением производства на две главные отрасли — земледелие и ремесло — должен был развиваться и обмен, а также устанавливаться места, где более или менее постоянно совершался этот обмен. Места эти носили название древних торжищ, и именно вокруг них группировались промысловые селения. Но здесь мы подходим уже к более общей проблеме возникновения древнерусских городов, которая выходит за пределы темы нашей статьи. Отметим лишь, что тесная связь развивавшегося ремесла с земледелием, а также факт заселения славянскими племенами (вследствие распространения земледелия) обширных лесных пространств севера и северо-востока славянской территории, когда славянские племена в поисках более удобных пахотных земель покидают долины рек, где жили до этого, — все это является подтверждением положения, установленного М. Н. Тихомировым при исследовании им проблемы возникновения древнерусских городов: «Города возникают, на наш взгляд, в первую очередь там, где развивается сельское хозяйство и выделяются ремесленники и кушцы, создается городская округа, тянущаяся к своему центру. Эту связь между возникновением городов и развитием земледелия как основного занятия населения можно четко заметить при анализе наших сведений о русских городах X—XIII вв.»²⁹.

Итак, приведенные выше факты говорят о том, что процесс отделения железоделательного ремесла от сельского хозяйства шел достаточно энергично, и можно говорить, что уже к концу первого тысячелетия процесс этот закончился у всех восточнославянских племен, и северных и южных. К VIII в. на смену ямным горнам приходят наземные сырорудные горны, что является характерным уже для городского, а не городищеского ремесла. Значение этого крупного усовершенствования для того времени переоценить трудно: с появлением наземных сырорудных горнов создаются возможности для довольно широкого использования железа во всех отраслях хозяйства восточных славян. Не случайно поэтому последние исследования убедительно показывают, что именно к концу I тысячелетия происходит заметный сдвиг в развитии железоделательного производства в целом. «За весь двухтысячелетний период «железного века» в Восточной Европе, — говорит Б. А. Колчин, — не было создано и пятой части видов того инвентаря, который мы встречаем уже в IX—X вв. в древней Руси»³⁰. Железные орудия стали занимать господствующее положение и в земледелии, и в ремесле, и в военном деле.

Энгельс называл железо последним и важнейшим из всех видов сырья, сыгравших

²⁷ А. В. Арциховский. Введение в археологию. М. 1947, стр. 178—179.

²⁸ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 132.

²⁹ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. «Ученые записки» МГУ. Вып. 99 М. 1946, стр. 35—36.

³⁰ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 19. См. также С. А. Тараканова. Древности Псковской земли. Сборник «По следам древних культур. Древняя Русь». Госполитиздат. 1953, стр. 212.

революционную роль в истории: железо полностью вытеснило каменные орудия, сделало возможным полеводство на крупных площадях, обеспечило расчистку под пашню широких лесных пространств³¹. Поэтому резкое изменение в уровне развития железодельного производства в конце I тысячелетия н. э. означает вместе с тем серьезный скачок в области развития производительных сил восточнославянского общества в целом. Скачок этот, выражавшийся в развитии и изменении орудий производства, сделанных из железа, с неизбежностью должен был привести к серьезным изменениям в экономике древнего восточнославянского общества.

К сожалению, до сих пор не имеется обобщающего исследования, посвященного сравнительному изучению развития производительных сил на различных этапах становления и развития рабовладельческого и феодального способов производства. Вследствие этого нет возможности с исчерпывающей полнотой проследить действие закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, в частности, при переходе от первобытно-общинного строя к рабовладельческому способу производства и от него же — к феодализму. Между тем именно здесь, в действии этого закона, следует прежде всего искать ответ на вопрос, почему славяне, достигнув стадии разложения первобытно-общинного строя, пошли по пути развития феодального, а не рабовладельческого способа производства. Поэтому попробуем подойти к ответу на интересующий нас вопрос (не претендуя на то, что он будет исчерпывающим), исходя из учета действия закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Здесь следует идти в двух направлениях: зная примерное состояние производительных сил древних восточнославянских племен накануне образования древнерусского государства, сравним его, во-первых, с состоянием производительных сил племен, переходивших в свое время к рабовладельческому способу производства, и, во-вторых, с состоянием производительных сил германских племен, переходивших после завоевания Западно-Римской империи к феодальному способу производства.

В первом случае бросается в глаза следующее: эпоха возникновения всех рабовладельческих государств совпадает с эпохой бронзового века. В самом деле, общеизвестно, насколько редки находки железных изделий при раскопках археологических памятников древнего Египта. Может быть, самым интересным свидетельством редкости и ценности этого металла является известная находка трех железных вещей — сувениров — в гробнице египетского фараона Тутанхамона (XIII в. до н. э.) В ассирийских надписях (IX в. до н. э.) железо наряду с серебром и золотом перечисляется в составе дани. В архаической Греции железные прутья наряду с серебряными слитками служили денежными знаками; процесс обработки железа Гомер называет «многотрудным»; при похоронах Патрокла диск из кузнечного железа являлся высшей наградой победителю на состязаниях. Подобные наблюдения можно сделать при изучении ранней истории и других рабовладельческих государств. Причем в земледелие, представлявшее собой основную отрасль хозяйства древних рабовладельческих государств, железо проникает в самую последнюю очередь: у шумеров было гораздо больше каменных орудий труда, чем медных, серпы они изготовляли даже из глины; поражает своей примитивностью египетская земледельческая техника (мотыга, деревянная соха, деревянный серп с кремневыми вкладышами). Даже в классической Греции, когда широкое распространение получили железные мечи, греческий плуг, хорошо известный нам по изображениям на вазах, оставался, как правило, сплошь деревянным. И только в Риме в I в. до н. э. произошел коренной переворот в земледельческой технике, сущность которого заключалась в изобретении и введении в сельское хозяйство довольно совершенного плуга с железным лемехом³². Но вскоре после этого рабовладельческая формация вступила в полосу кризиса, развитие которого привело в конечном счете к ликвидации рабовладельческого способа производства и к установлению новых, феодальных производственных отношений.

³¹ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 168.

³² Подробнее см. А. В. Арциховский. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий. «Труды социологической секции РАНИОН». Вып. 1. М. 1927, стр. 130 и сл., а также его же «Введение в археологию», стр. 115—116.

Итак, период военной демократии племен, переходивших к рабовладельческому способу производства, как и период возникновения и развития рабовладельческих государств, совпадает в основном с бронзовым веком. Но и этот уровень развития производительных сил в сочетании с исключительно благоприятными природными условиями позволил перейти этим племенам к массовой эксплуатации рабов, к появлению рабовладельческого способа производства и соответствующего ему государственного строя.

В отличие от них славянские племена накануне образования древнерусского государства хорошо владели искусством обработки железа и ввели его в свою основную отрасль производства — сельское хозяйство. Отсюда следует, что славяне шли к созданию своего государства при наличии более совершенных орудий производства, более развитых производительных сил в целом. «С приобретением новых производительных сил, — говорит Маркс, — люди меняют свой способ производства, а со способом производства они меняют все экономические отношения, которые были необходимыми отношениями лишь данного, определенного способа производства»³³.

Какие же производственные отношения должны были сложиться у восточных славян при том уровне и характере производительных сил, о котором идет речь? Сравним производительные силы восточных славян с производительными силами германских племен, переходивших после завоевания Западно-Римской империи к феодальному способу производства.

Уже давно опровергнут господствовавший в буржуазной историографии взгляд об отсталости экономики древних славян сравнительно с экономикой стран Западной Европы. Доказано, что в странах Западной Европы сельское хозяйство находилось примерно на той же ступени развития, что и в древней Руси³⁴. Что же касается ремесла, то в ряде отраслей оно стояло на более высоком уровне развития, чем в Западной Европе. Как показал Энгельс, уровень производства в земледелии и промышленности, достигнутый Римской империей в последние столетия ее существования, мало изменился за последующие века в странах Западной Европы. Но именно этот уровень производства послужил основой для развития феодальных производственных отношений в странах Западной Европы. Отсюда следует, что уровень производства в земледелии и промышленности восточных славян накануне образования древнерусского государства с необходимостью должен был породить крупных землевладельцев, обладающих властью, и зависимых мелких крестьян, то есть феодальные производственные отношения, феодальный способ производства, основой которого является феодальная ответственность на землю.

Перейдем к выяснению предпосылок возникновения феодализма в области отношений собственности, основы производственных отношений.

Ленин не раз указывал, что при феодализме, при господстве натурального хозяйства, «необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землей в частности»³⁵, что «прикрепление работника к земле, наделение его землей», является орудием эксплуатации непосредственного производителя³⁶.

Из отношений собственности при феодализме Маркс не только выводил необходимость внеэкономического принуждения для получения прибавочного продукта от непосредственного производителя, но одновременно подчеркивал, что для мелкого хозяина, каким и является мелкий производитель при феодализме, «свободная собственность крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство (*selbstwirtschaftend*) есть очевидно самая нормальная форма земельной собственности», что «она является здесь фундаментом для развития личной самостоятельности»³⁷.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1948, стр. 24.

³⁴ «История культуры древней Руси». Т. I, стр. 63.

³⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 158.

³⁶ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 66.

³⁷ К. Маркс. Капитал. Т. III, 1953, стр. 820.

Определив сущность феодальной собственности как собственности феодала на средства производства и неполной собственности на работника производства — крепостного, И. В. Сталин указывал одновременно на необходимость существования при феодализме единоличной собственности крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанной на личном труде³⁹.

Из этих положений классиков марксизма-ленинизма следует, во-первых, что основное противоречие феодального способа производства вытекает из наличия взаимосвязанных между собой феодальной собственности и обусловленной господством мелкого производства единоличной собственности непосредственного производителя на орудия производства и свое частное хозяйство при владении участком земли; во-вторых, что обе стороны этого основного противоречия (феодальная собственность и крестьянское владение землей) сами являются результатом длительного развития; что, наконец, появление мелких производителей, самостоятельно владеющих орудиями и основным средством производства — землей, является необходимой предпосылкой возникновения феодального способа производства.

Эта проблема тесно связана с проблемой древнеславянской общины и ее эволюции, ибо именно в рамках общинного землевладения вследствие развития производительных сил происходило изменение порядка и условий крестьянского землепользования.

Трудно назвать другой какой-либо вопрос, который вызвал бы столько споров, как вопрос о значении и роли славянской общины. Вряд ли нужно пересматривать и разбирать обширную дореволюционную литературу, в которой нашли отражение эти споры, так как почти все они уже давно разрешены самой жизнью. Поэтому обратимся прямо к советской историографии вопроса. Здесь споры относительно характера древнерусской общины свелись, собственно, к одному: была ли община во времена Русской Правды соседской (сельской, территориальной) общиной или она являлась семейной общиной? Наиболее веские аргументы в пользу первой точки зрения приведены в трудах акад. Б. Д. Грекова, вторую точку зрения настойчиво отстаивал проф. С. В. Юшков. Правда, С. В. Юшков признает, что в X в. «разложение патриархального рода и больших семей обусловило возникновение сельской территориальной общины». Больше того, он допускает, что и сама сельская община подвергалась разложению в дофеодальный период. И все-таки, утверждает С. В. Юшков, «источники не дают нам никаких указаний на существование сельской общины в IX—X вв.»⁴⁰.

Поскольку в ходе полемики выяснилось, что для окончательного решения вопроса недостаточно одних только данных Русской Правды, Б. Д. Греков пошел по пути расширения обычного круга источников. В частности, его последняя работа, посвященная выяснению характера древнеславянской общины, построена на сравнении норм Русской Правды и Полицкого статута. Это позволило Б. Д. Грекову гораздо ярче, чем до этого, обосновать ряд своих положений⁴¹. В этом положительный момент дискуссии. Но есть и недостатки. Укажем на два из них, на наш взгляд, наиболее существенных: недостаточно освещен вопрос о развитии общины до образования древнерусского государства, и, во-вторых, самое развитие общины рассматривается без учета состояния в каждый данный момент производительных сил восточнославянского общества. Что же касается существа спора (была ли вервь соседской или семейной общины), то его окончательное решение представляет сейчас для нас особенно большой интерес.

Рассмотрим, как в результате развития производительных сил древнеславянского общества изменялись порядок и условия землепользования непосредственных производителей. В связи с тем, что эволюция сельскохозяйственных орудий шла различными путями на севере и юге славянской территории и эти пути сошлись лишь ко времени сложения древнерусского государства, эволюцию древнеславянской общины до этого этапа также нужно рассматривать отдельно для северных и южных областей. Отметим, что разница здесь будет только во времени: северные славянские племена по сравнению со своими южными соседями развивались с некоторым опозданием, поэтому определенные стадии

³⁹ И. Сталин. Вопросы ленинизма. Госполитиздат. 1953, стр. 595.

⁴⁰ С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. АН СССР. М.-Л. 1939, стр. 8, 12.

⁴¹ См. Б. Д. Греков. Большая семья и вервь Русской Правды и Полицкого статута. «Вопросы истории». 1951, № 8.

развития общины на севере отражали в то же время уже пройденный для южнославянских племен этап.

Эволюцию славянской общины до времени Русской Правды для северных областей можно осветить только на основании данных археологии.

Как указывалось выше, первая половина I тысячелетия характеризуется на севере культурой городищ Дьякова типа. Население жило еще в условиях родового строя. Преобладало лесное скотоводство. Говорить о возникновении земельных общин здесь еще нельзя.

Во второй половине I тысячелетия можно выделить два этапа.

1) V—VII века. Период преобладания подсечного земледелия. Население покидает речные долины и, вооруженное железными кельтовидными топорами, отвоевывает у леса участки пахотной земли. Условия ведения подсечного земледелия требуют больших лесных пространств и затраты огромного количества труда (рубка леса, сушка, сжигание и т. д.). При существовавшем тогда низком уровне производительных сил это требовало кооперации. Поэтому обычным типом поселений того времени являются небольшие, окруженные лесом, укрепленные поселки, расположенные на довольно значительном расстоянии друг от друга. Наиболее яркий пример такого поселения — городище Березняки. На его территории было 6 жилых срубов площадью 15—20 кв. м каждый. Имелся загон для скота, общий на весь поселок. В центре поселения находился большой сруб, вероятно, общественное здание, рядом с ним — общий амбар для зерна, в котором найдены зернотерки. О металлургическом производстве и кузницах говорилось выше. Погребение было общим на весь поселок («домик мертвых» на территории городища, в котором вместе с сожженными костями покойников обнаружены топоры, ножи, стрелы, украшения). Всего в поселке жило около 50 человек⁴². Приведенный материал свидетельствует, что в Березняках обитала большая патриархальная семья, состоявшая, по крайней мере, из 6 семей, которые коллективно вели свое хозяйство.

Очевидно, этот вывод нужно распространить на всю территорию лесной области во времена господства подсечного земледелия: этнографические данные свидетельствуют, что подсечное земледелие и большие патриархальные семьи-общины были сопутствующими друг другу явлениями⁴³.

Итак, приблизительно в третьей четверти I тысячелетия в северных областях славянской территории существует семейная община.

2) С VII—VIII вв. начинается постепенное распространение пашенного земледелия; вместо укрепленных городищ появляются более крупные неукрепленные поселки; на смену большим домам в Ладоге, рассчитанным, очевидно, на более или менее крупный коллектив родственников, приходят дома типа изб: старая Ладога VII в. очень далека от родового строя; при раскопках Муромских могильников (VII—XI вв.) отмечено перерывание могил и разрушение старых могил при захоронении, что можно объяснить только распадом родственных связей в среде обитателей поселка⁴⁴. Приведенные выше факты говорят о постепенной смене семейных общин общинами соседскими (сельскими, территориальными).

Таково развитие общины в северных областях славянской территории. Несомненно, что тот же процесс, но лишь в более раннее время имел место и на юге⁴⁵. К сожалению, из-за отсутствия источников пока невозможно рассмотреть это развитие в целом. Но зато при рассмотрении истории соседской общины на юге мы можем опираться не только на археологические материалы, но и на письменные источники. Мы имеем в виду прежде всего византийский Земледельческий закон. Установлено, что его происхождение прямо связано с завоеванием Балканского полуострова славянами в ходе войн с Византией в VI—VII вв.; что он является, по сути дела, записью обычного права славян, завоевавших Балканский полуостров; что запись эта была произведена в VIII в., но следы на-

⁴² П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э., стр. 51—68; А. В. Арциховский. Введение в археологию, стр. 125—126.

⁴³ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 267.

⁴⁴ П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 54.

⁴⁵ М. И. Артамонов на основании рассказа Геродота о земледельческом празднике у скифов пришел к выводу о наличии уже в то время (V в. до н. э.) общин, состоявших из больших семей, с периодическим переделом участков пахотной земли. См. М. И. Артамонов. О землевладении и земледельческом празднике у скифов «Ученые записки» ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 15. Л. 1947, стр. 9—11.

пластований, дополнений и уточнений, ощутимые в древнейшем тексте, говорят о том, что нормы и обычаи, зафиксированные в законе, складывались в течение очень продолжительного времени⁴⁶.

Поскольку главная масса славян, воевавших на Балканском полуострове (как это, в частности, подтверждается рядом свидетельств византийских авторов), состояла из склавинов и антов — предшественников летописных славянских племен лесостепной области, византийский Земледельческий закон должен до некоторой степени отражать общественный строй антов периода колонизации. Поэтому описанную в нем общину можно рассматривать как предшественницу верви Русской Правды.

В 1943 г. французский историк Шарль Диль, свыше 50 лет работавший над изучением Византийской империи, писал: «Верно ли, как это охотно допускают русские историки, что под влиянием славян общинная собственность заменила в этих (византийских.— К. Т.) деревнях режим индивидуальной собственности? С этой теорией трудно согласиться... Ни в одном византийском тексте мы не находим никаких упоминаний о периодическом переделе земли, что могло бы служить доказательством существования общинной собственности»⁴⁷.

Это место из книги Дилья приведено здесь для того, чтобы указать на главную ошибку многих буржуазных историков при определении существа общинной поземельной собственности. По их мнению (у нас эту точку зрения разделял Сергеевич), главным признаком и доказательством наличия общинной собственности на землю является периодический передел земли. Но раз его нет, то нет, следовательно, и общинной собственности, нет и общины. Это далеко не так.

В отличие от более ранней общины, основанной на кровном родстве, соседская община, указывает Маркс, «была первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами»⁴⁸. Общее поле, совместная обработка его, коллективное жилище, общее питание — такова экономическая основа семейных общин; частная собственность землевладельцев на двор и дом, частное владение участком пахотной земли, единоличное присвоение урожая и наряду с этим общая собственность на луга и лесные угодья — такова экономическая основа соседской общины. Таким образом, соседская община содержит в себе два противоположных начала: с одной стороны, коллективная собственность на луга, леса и еще не поделенную пахотную землю, — этим она похожа на более древнюю, семейную, общину, с другой стороны, отдельные участки пахотной земли находятся в частном владении общинников — неважно на какой срок, — этим она похожа на современное единоличное крестьянское хозяйство. Соседская община — переходная, промежуточная ступень от первобытной, общей собственности к частной, или, употребляя термины Маркса, от собственности первичной формации к собственности вторичной формации. «Понятно, — пишет Маркс, — что дуализм, свойственный строю земледельческой общины, может служить для нее источником большой жизненной силы. Освобожденная от крепких, но тесных уз кровного родства, она получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных отношениях, из нее вытекающих, и в то же время дом и двор, являющиеся исключительным владением индивидуальной семьи, парцеллярное хозяйство и частное присвоение его плодов способствуют развитию личности, несовместимому с организмом более древних общин»⁴⁹. Именно этот дуализм, это единство противоположных начал и их борьба являются законом развития сельской общины, а наличие частного владения наряду с коллективной собственностью — ее существенным признаком. Первым результатом борьбы этих двух начал была отмена периодического передела земли, постоянное закрепление участка поля за

⁴⁶ Подробнее о Земледельческом законе см. в статьях Е. Э. Липшиц «Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма» («Византийский вестник», Т. I (XXVI). М. 1947) и «Византийское крестьянство и славянская колонизация» («Византийский сборник», АН СССР. М.-Л. 1945). Последний перевод Земледельческого закона, сделанный Е. Э. Липшиц с оригинала, восстановленного на основе критического сопоставления разных вариантов его текста (опубликованных и рукописных), напечатан в «Сборнике документов по социально-экономической истории Византии». Изд. АН СССР. М. 1951, стр. 103—108.

⁴⁷ Ш. Диль. Основные проблемы византийской истории. Издательство иностранной литературы. М. 1947, стр. 115—116.

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 694.

⁴⁹ Там же.

землевладельцем и передача его по наследству. Но это еще не означало уничтожения сельской общины.

В Земледельческом законе как раз и нашел свое отражение именно этот момент развития соседской общины, когда земля, еще недавно подлежавшая периодическому переделу, стала находиться в постоянном владении членов общины. Ряд статей закона прямо указывает на то, что участки пахотной земли уже находятся в частном владении крестьян-общинников. Эти участки в законе обозначаются словами «доля» или «жребий». Уже из этой терминологии видно, что когда-то земля, принадлежавшая селу, была разделена между отдельными общинниками. Это подтверждается, в частности, статьей 8: «Если раздел был произведен несправедливо для некоторых в жребиях и местоположении пусть будет позволено аннулировать произведенный раздел».

Итак, раздел земли существовал. Но был ли систематический передел разделенных участков? Об этом прямых указаний в законе не имеется. Но другие документы, в частности разъяснения византийского юриста X в., магистра Косьмы, неоспоримо свидетельствуют, что незадолго до издания Земледельческого закона такой передел существовал⁵⁰.

Рассмотрим данные закона, свидетельствующие о наличии коллективной собственности на землю. Статья 78 разрешает приводить скот на убранный участок поля при условии, что и другие участки тоже убраны. Закон, следовательно, запрещает лишь несвоевременный привод скота на чужой участок, но после уборки урожая все поля превращались в общий выгон для скота. Ряд статей говорит о том, что скот общинников пасется вместе на одном лугу; существовала, следовательно, общая собственность и на луга. Больше того, в законе имеется ряд указаний на то, что сравнительно недавно община сообща владела всей землей, то есть на то, что перерастание семейной общины в соседскую произошло совсем недавно.

Итак, частное владение и индивидуальная обработка «доли» и «жребия», с одной стороны, и коллективная собственность на выгоны для скота — с другой. Перед нами типичная соседская община.

Таким образом, соседская община у славянских племен северной области сложилась примерно к VIII в., у южных славянских племен появилась, во всяком случае, в VI в., а к VIII в. уже прошла стадию периодического передела земли. Можно, следовательно, ожидать, что в Русской Правде будет отражена дальнейшая эволюция соседской общины. Обратимся к анализу данных Русской Правды.

Исходя из основного признака соседской общины, ее дуализма, необходимо установить, во-первых, частное владение участком поля и единоличное присвоение урожая и, во-вторых, общую собственность на пастбища и лесные угодья.

Первая сторона этого вопроса отражена в Русской Правде достаточно отчетливо. Статья 38 Краткой редакции говорит об убийстве татя на «своем дворе», статья 40 предусматривает наказание за кражу домашних животных, статья 39 — за кражу сена и дров. Об индивидуальном пользовании землей говорит статья 34: «А иже между переореть, либо перетес, то за обиду 12 гривне». Поля, следовательно, находились в индивидуальном пользовании общинников.

Сложнее обстоит дело с выяснением наличия общей собственности на пастбища и лесные угодья, но некоторые данные есть и по этому вопросу. В статье 28 Краткой Правды читаем: «А за княж конь, иже тои с пятном, 3 гривне, а за смердеи — 2 гривне...». «Конь с пятном» — это меченый конь. Если бы княжеские кони паслись на отдельном выгоне, их незачем было бы отмечать. В этой статье, очевидно, предусматривалась кража коней с пастбища, причем рядом с княжеским конем упоминаются кони смердоз-крестьян Киевской Руси. Это означает, что пастбища находились в общем пользовании, принадлежали всей верви.

В статье 71 Пространной Правды читаем: «Аже разнаменаеть борть, то 12 гривен». Что такое «борть»? Почти все исследователи Русской Правды сходятся на том, что это — дерево, в котором водятся дикие пчелы⁵¹. Но где могло находиться это дерево? Вряд ли можно думать, что оно находилось на территории двора или усадьбы: тогда незачем было бы его «знаменовать», то есть особо отмечать. Этого не требовалось бы

⁵⁰ См. «Второе определение Косьмы Магистра», опубликованное в «Сборнике по социально-экономической истории Византии», стр. 146.

⁵¹ «Правда Русская». Т. 2. Комментарии к ст. 71 и 75 Пространной редакции и ст. 32 Краткой редакции.

также, если бы слово «борть» означало целый пчеловодческий участок, как думал Гетц⁵²: Русская Правда знает бортную, то есть лесную, межу, и ее нарушение предусмотрено в статье 72 Пространной Правды. Правильнее думать, что дерево с пчелами находилось в лесу, которым пользовались на равных основаниях все жители верви. Что же касается «знамения» на дереве, то проф. С. В. Бахрушин, соглашаясь с подобным толкованием статьи 71, полагал, что каждый член общины имел свое «знамение», свой условный знак, которым и отмечал нужное ему дерево в лесу, принадлежавшем всей общине.

Из сказанного следует, что и общине Русской Правды был свойственен тот дуализм — наличие общей собственности и частного владения,— о котором говорит Маркс, характеризуя соседскую общину. Следовательно, вервь — соседская община.

Как и община Земледельческого закона, вервь имела определенную территорию. Поскольку люди, жившие на этой территории, коллективно отвечали за убитого, они должны были быть связаны общностью интересов. Вервь, таким образом, — общественно-территориальная единица. Далее, как и община Земледельческого закона, вервь принимает участие в сборе податей.

Но, кроме сходства, между общиной Земледельческого закона и вервью имеются существенные различия. Прежде всего Русская Правда не содержит никаких данных о периодическом переделе земель, не имеется таких данных и в других источниках периода Киевской Руси. Земли, следовательно, находились в наследственном владении общинников. Во-вторых, во всех своих действиях вервь выступала как коллектив, состоящий из отдельных семей, причем ответственность последних за совершенное преступление к XII в. значительно возросла по сравнению с XI в. Краткая Правда не знает еще выдачи семи на поток и разграбление, о чем говорит Пространная редакция. Наконец, в-третьих, семь общины различаются между собой в правах, что видно из введения в XII в. института дикой виры.

Итак, вервь Русской Правды действительно представляла собой дальнейший шаг в развитии соседской общины по сравнению с общиной Земледельческого закона; в своем развитии она ушла гораздо дальше от архаической семейной общины.

Мы проследили развитие и изменение славянской общины от родовой через большую патриархальную семью в соседскую общину и наметили приблизительно хронологические рубежи этого процесса. Приведенный материал свидетельствует, что к VIII—IX вв. на всей славянской территории соседская община с присущим ей дуализмом являлась основной ячейкой славянского общества. Но время и причины возникновения свободного крестьянского владения пахотной землей совпадают со временем и причинами появления соседской общины. Поэтому период примерно с VIII в. для севера славянской территории и со второй четверти I тысячелетия н. э. для лесостепных областей, к началу которого соседская община заменила собой семейную общину, можно назвать периодом формирования свободного индивидуального крестьянского владения землей. Раз на определенной ступени развития производительных сил человек мог противопоставить природе, помимо организации коллектива, довольно совершенные индивидуальные орудия труда, на смену коллективному труду неизбежно должен был придти индивидуальный, а общинной собственности на землю — частная собственность.

Какова была власть собственника над участком пахотной земли? Земледельческий закон предоставлял собственнику участка право обмена земли (статьи 3—5); он мог отдавать землю другому лицу на различных условиях (статья 12—16); наконец, мог закладывать ее за деньги (статья 67). Что касается Русской Правды, то хотя она ничего не говорит об обмене, закладе и продаже земель смердами (хотя имеются данные, говорящие о передаче земли по наследству), отрицать наличие этих прав у собственника участка земли было бы ошибочно. Мы видели, что они имелись во времена Земледельческого закона. Еще более широкое распространение они получили в XIV—XVI вв. среди свободного крестьянства, например, в Белозерском крае⁵³. Эти права должны были иметься и у свободных смердов периода Русской Правды.

⁵² Там же, стр. 555.

⁵³ Например, на основании актового материала XV—XVI вв., относящегося к Белозерскому краю. А. И. Копанев приходит к выводу: «...мы имеем многочисленные факты продажи, обмена и завещания в монастырь волостными крестьянами своих земель».

Отсюда следует, что со времени появления у славян соседской общины, прошедшей стадию периодического передела земли, крестьянские наделы представляли собой не что иное, как аллод, то есть свободно отчуждаемую земельную собственность. С появлением же аллода, говорит Энгельс, «создана была не только возможность, но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность»⁵⁴, а вместе с этим — и необходимость нарушения социального равенства среди свободных общинников. Должны были, следовательно, появиться и классы — выражение и результат этого нарушенного равенства. В обществе, где решающая роль принадлежала земледелию, господствующим классом, постепенно складывавшимся с ростом имущественного неравенства, мог быть только класс крупных землевладельцев.

В заключение несколько общих замечаний о сущности дофеодального периода у восточных славян.

В советской исторической литературе имеется несколько суждений по этому вопросу. Некоторые исследователи (в особенности С. В. Юшков) видят основу развития общества дофеодального периода в борьбе трех укладов: первобытно-общинного (патриархального), рабовладельческого и феодального, — причем первенство в этой борьбе осталось за феодальным укладом⁵⁵. Б. Д. Греков в одной из своих последних работ, посвященной генезису феодализма у славян, вообще считает термин «дофеодальный период» неопределенным и переходный период от патриархального строя к феодальному предлагает назвать полупатриархальным, полуфеодальным периодом. Хронологически Б. Д. Греков относит этот период к VI—VII вв. н. э.⁵⁶ Не останавливаясь подробно на разборе приведенных точек зрения, отметим их общий недостаток: поскольку речь идет о переходе к феодальному способу производства, то есть о переходе к феодальной земельной собственности, обойтись без характеристики отношений собственности в дофеодальный период нельзя. Но ни С. В. Юшков, ни Б. Д. Греков не делают этого. Поэтому обе точки зрения нельзя признать исчерпывающими и правильными.

Именно исходя из отношений собственности, подходит к определению сущности дофеодального периода П. П. Епифанов. В своей рецензии на работу С. В. Юшкова о Русской Правде он пишет: «Думается, что сущность «дофеодального периода» состоит... в переходе (в результате длительного процесса разложения первобытно-общинного строя) от родовой собственности к частной собственности свободных крестьян в рамках соседской общины-марки и, от этой последней, к феодальному способу производства»⁵⁷.

Это определение наиболее верно. Оно верно потому, что суть перехода к феодальному способу производства автор видит в изменении отношений собственности; оно верно, во-вторых, потому, что в длительном периоде разложения первобытно-общинного строя выделяется особый этап, когда свободные крестьяне в рамках соседской общины распоряжались участками пахотной земли на правах частной собственности. Однако и оно нуждается в уточнениях.

В дофеодальный период идет процесс образования феодальной земельной собственности — основы производственных отношений при феодализме. Но условия для этого процесса возникают лишь с появлением свободных крестьян, собственников земельных участков. Следовательно, с этого момента и нужно начинать дофеодальный период; более ранний этап разложения первобытно-общинного строя следует из этого понятия исключить. Но свободную крестьянскую собственность мы встречаем не только при переходе к феодальному способу производства. Ее мы наблюдаем также на заре

Это указывает на то, что крестьяне владели землей на правах частной собственности». См. А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. АН СССР. М.-Л. 1951, стр. 190.

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1, стр. 392.

⁵⁵ См. С. В. Юшков. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве. «Вопросы истории». 1946, № 7, стр. 47, 61.

⁵⁶ См. Б. Д. Греков. Генезис феодализма в России в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания. Сборник «Сессия отделений общественных наук АН СССР, посвященная годовщине опубликования гениального произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». АН СССР. 1951.

⁵⁷ П. П. Епифанов. К вопросу о происхождении Русской Правды. «Вопросы истории». 1951, № 3, стр. 96.

рабовладельческого способа производства, она встречается и в период разложения феодализма, при зарождении капиталистического способа производства. Следовательно, нужно не только подчеркнуть совершенно верную мысль о том, что появление свободных крестьян — собственников земельных участков — является необходимым условием образования феодальных производственных отношений; нужно рассматривать эту собственность в определенных исторических рамках, то есть как следствие определенного уровня и характера производительных сил.

Выше мы сравнивали производительные силы общества при переходе к рабовладельческому способу производства с производительными силами при переходе к феодализму и установили разницу между ними. Но различные производительные силы требуют различных общественных отношений, совокупность которых и образует собственность⁵⁸. Отсюда следует, что, несмотря на внешнее сходство, свободная собственность крестьян Греции, Рима и других стран, переходивших к рабовладельческому способу производства, и свободная крестьянская собственность славян и германцев, переходивших к феодализму, являются историческими категориями различных эпох и образуют различные формы собственности. В отличие от всех других внешне сходных форм собственности свободную крестьянскую собственность, которую мы наблюдаем на заре феодального способа производства, классики марксизма называли аллодом. И так как только с появлением свободных крестьян-аллодистов становится возможным постепенный переход к феодальному способу производства, так как это состояние общества (являвшееся, в свою очередь, итогом длительного процесса разложения первобытно-общинного строя) представляет собой исходный пункт для развития феодальных производственных отношений и их основы — феодальной собственности на землю, — именно этот момент нужно считать началом дофеодального периода. Отсюда следует, что основой производственных отношений в дофеодальный период являлся аллод, свободно отчуждаемая земельная собственность крестьян, которой они распоряжались в качестве членов свободной соседской общины. Это определение, во-первых, указывает на связь отношений собственности с определенным уровнем и характером производительных сил общества; во-вторых, оно говорит о переходном характере этих отношений, поскольку в соседской общине наряду с индивидуальной собственностью свободных крестьян на участки пахотной земли имеется общая собственность на поля и лесные угодья; в-третьих, это определение позволяет примерно наметить хронологические границы дофеодального периода: его начало совпадает с появлением свободной соседской общины, его конец — с образованием феодального государства. Наконец, это определение позволяет подойти к вопросу об образовании и развитии феодальной земельной собственности.

Исходным положением здесь может служить следующее указание Энгельса, сделанное им при рассмотрении зарождения и развития феодального способа производства у германских племен: «...прежде чем свободные франки могли сделаться чьими-либо поселенцами (то есть феодально зависимыми крестьянами.— К. Т.), они должны были каким-нибудь образом потерять аллод...»⁵⁹.

В противоположность капиталистическому способу производства, требующему «освобождения» работника от земли, Энгельс здесь имеет в виду возникновение феодального способа производства, при котором орудием эксплуатации является прикрепление работника к земле. Поэтому, исходя из отличий феодальной системы хозяйства от капиталистической и марксистского определения феодальной собственности, приведенное выше положение Энгельса следует понимать так: крестьянин лишается своего земельного участка как аллода, то есть свободно отчуждаемой земельной собственности; право собственности на его землю переходит к феодалу, а крестьянин, становясь лишь владельцем земельного участка, продолжает его обрабатывать, выполняя за это определенные повинности в пользу феодала. В этом суть процесса образования феодальной собственности.

⁵⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 26.

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1, стр. 397.